

Загадка Кипренского

Александр Кибовский

Уже при жизни Орест Кипренский заслужил звание «русского ван Дейка». Достигнув вершин мастерства в России, художник покориł Рим, Париж, Женеву, Неаполь, Флоренцию. «Он первый вынес имя русское в известность в Европе», — записал в октябре 1836 года в связи со смертью мастера Александр Ива́нов, автор знаменитого «Явления Христа народу». Творчество Кипренского всегда было предметом пристального изучения. Тем не менее даже спустя два века в его наследии имеются загадки.

Творческое наследие Кипренского насчитывает около 600 рисунков, наиболее знаменитую часть которых составляют виртуозные портреты. Один из них хранится в Третьяковской галерее. На нём изображён генерал с пышными усами и бакенбардами. С дореволюционных времён считается, что это прославленный герой Отечественной войны 1812 года Ефим Игнатьевич Чаплиц. Если обратиться к его иконографии, то самым известным является портрет 1820 года в Военной галерее Зимнего дворца. Этому образу близок более ранний портрет Чаплица, хранящийся в Новгородском музее-заповеднике. Он не столь

совершенен, как работа мастерской Джорджа Доу, но вполне реалистичен. По мундиру шефа Павлоградского гусарского полка и наградам генерала картину можно датировать 1814 годом либо вскоре после него.

На этих двух портретах у Чаплица нет столь длинного

Генерал-майор князь Роман Иванович Багратион (?). 1815–1816 годы
Рисунок Ореста Кипренского
Бумага, итальянский карандаш.
23,8 x 18,9 см
Государственная Третьяковская галерея. Инв. 25271
Ранее: Портрет генерал-майора Е. И. Чаплица. 1812 год

Шеф Павлоградского гусарского полка Ефим Игнатьевич Чаплиц.
Неизвестный художник, ок. 1814 года
Новгородский государственный объединённый музей-заповедник

и острого носа с прямой переносицей, как на рисунке Кипренского. Зато ему близка гравюра, сделанная в 1814 году в Берлине по рисунку Людвиг Вольфа. Правда, и на ней усы генерала не переходят в бакенбарды. Но, по всей видимости, именно сходство с этой гравюрой и стало до революции основанием для атрибуции рисунка Кипренского как портрета Чаплица. К сожалению, оставив свою монограмму ОК, художник не указал ни места, ни года создания рисунка. В этой связи в 1993 году петербургский исследователь Вадим Старк на основании наград генерала предложил свою датировку портрета.

Хотя рисунок чёрно-белый, ордена можно определить, зная правила их ношения. Правую сторону мундира украшает звезда ордена Святой Анны 1-й степени. В разрез воротника с генеральским шитьём выпущены два креста — очевидно, знаки орденов Святого Георгия и Святого Владимира

Генерал-лейтенант Ефим Игнатьевич Чаплиц.
Мастерская Джорджа Доу,
февраль — апрель 1820 года
Военная галерея Зимнего дворца

3-го класса. Из-под борта мундира выступает ещё один крест, который, по всей видимости, является иностранной наградой. После войн 1805 и 1807 годов Чаплиц действительно имел все показанные российские ордена, а также прусский орден Красного орла.

С начала Отечественной войны в июне 1812 года Чаплиц непрерывно участвовал в боях, а затем находился в заграничных походах. 4 февраля 1813 года он был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени, а 28 января 1814 года орденом Святого Александра Невского. Звёзды этих орденов носили на левой стороне груди. Поскольку их нет на рисунке Кипренского, Старк резонно заметил, что Чаплиц мог позировать художнику без новых боевых наград только до начала Отечественной войны. С тех пор рисунок принято датировать весной 1812 года. Но моя попытка дальше уточнить время создания портрета привела к неожиданным результатам.

В начале 1812 года Кипренский жил в Твери, откуда 10–13 марта вернулся в Петербург. Имена всех приезжавших в столицу генералов печатались

в «Санкт-Петербургских ведомостях». Кроме того, посещавшие Петербург генералы представлялись Александру I. Но ни в газете, ни в камер-фурьерском журнале, подробно фиксировавшем жизнь царского двора, Чаплиц не упоминается. Таким образом, в 1812 году Чаплиц в столице не был и позировать Кипренскому не мог.

Что касается Твери, то её военные посещали проездом из Москвы в Петербург или обратно. В столице Чаплиц не был. Но и в Москву он также не заезжал. В «Московских ведомостях» и в рапортах московского ордонанс-гауза за 1812 год, хранящихся в Центральном архиве Москвы, имя Чаплица отсутствует. Таким образом, нет даже гипотетической возможности для встречи

Чаплица с Кипренским в 1812 году в Твери или Петербурге. Следовательно, предложенная Старком датировка рисунка не верна.

Так когда же Чаплиц мог позировать Кипренскому? Ведь генерал командовал войсками на западных

Генерал-лейтенант Ефим Игнатьевич Чаплиц.
Гравюра Иоганна Кретлова по рисунку Людвиг Вольфа; Берлин, 1814 год
Государственный исторический музей

Поручик лейб-гвардии Гусарского полка князь Роман Иванович Багратион. Неизвестный художник, 1804–1805 годы. Атрибуция В. М. Файбисовича. Собрание В. Б. Нарта

рубежах России и не был свободен в своих визитах в столицу. Каждая его отлучка фиксировалась документами. По ним известно, что Чаплиц приехал в Петербург из Житомира между 15 и 18 января 1811 года, поселился в трактире «Бодо», 19 января представился императору в Зимнем дворце, а уже 12 апреля откланялся, но задержался в столице до конца месяца. Однако в это время Кипренский жил в Москве. Чаплиц же по дороге в Петербург и обратно Москву не посещал.

Более ранний визит Чаплица в Петербург состоялся весной 1809 года. Между 3 и 7 марта он приехал из Новогрудка, 7 марта представился Александру I в Зимнем дворце, а 25 апреля посетил придворный маскарад. Но к этому времени Кипренского в столице уже не было. Ещё 27 февраля Академия художеств командировала его в Москву. Чаплиц же и в этот раз в Первопрестольную не заезжал.

Таким образом, нет никаких свидетельств, что Кипренский и Чаплиц вообще могли встречаться. Ещё больше сомнений добавляет изображение генеральского мундира. По его борту мы видим лишь один ряд пуговиц.

Ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка князь Роман Иванович Багратион. Неизвестный художник, начало 1810 года. Атрибуция А. В. Кибовского. Собрание А. В. Руденцова

Чаплиц же до конца войны носил двубортный мундир, как это видно по берлинской гравюре. Однобортные мундиры кавалерийским генералам были установлены приказом цесаревича Константина Павловича 27 февраля 1814 года. Но к этому времени Чаплиц уже имел на левой стороне груди Александровскую и Владимирскую звезды. Эти противоречия наводят на мысль, что персонажем рисунка может быть вовсе не Чаплиц, а другой генерал регулярной лёгкой кавалерии, который позировал художнику в Петербурге в период с 1814 года и до его отъезда в Италию 14 мая 1816 года.

С помощью специалиста по генералитету Александра Подмазо удалось выявить шесть кавалерийских генералов, которые в 1814–1816 годах имели показанные на рисунке русские

Генерал-майор князь Роман Иванович Багратион. Мастерская Джорджа Доу, июль 1822 — декабрь 1824 года. Военная галерея Зимнего дворца

ордена: князь Роман Багратион, князь Иван Вадбольский, граф Иван де Витт, Степан Репнинский, барон Фридрих фон Теттенборн и Герасим Шостаков. Благодаря их иконографии можно сразу исключить, ввиду явного несходства, князя Вадбольского и барона фон Теттенборна. К тому же последний имел несколько иностранных звёзд на левой стороне груди. Да и в Петербург оба генерала в указанные годы не заезжали. Не слишком похож на «Чаплица» и Герасим Шостаков на портрете в Военной галерее Зимнего дворца. Кроме того, он не имел иностранных наград, так что не мог выпустить какой-либо крест по борту мундира. В Петербурге в 1814–1816 годах Шостаков тоже не был.

Таким образом, остаются три кандидата: князь Багратион, граф де Витт и Степан Репнинский. Все они в 1815–1816 годах посещали столицу, где могли позировать Кипренскому. Дальше можно только догадываться, сравнивая их портреты с персонажем рисунка. Следует также отметить, что на груди генерала нет медали в память Отечественной войны 1812 года. Это довольно странно, поскольку все кандидаты её имели. Впрочем,

портрет нарисован без тщательной отделки деталей, свойственной обычно работам Кипренского. Мундир, эполеты, ордена лишь намечены без финальной прорисовки. Нет характерной штриховки по фону. Рисунок производит впечатление виртуозного экспромта, быстро сделанного в неформальной обстановке. Как знать, может быть, она была настолько неформальной, что медаль оказалась в тот момент не приколата к мундиру.

На мой взгляд, заслуживает внимания версия, что на рисунке изображён князь Роман Иванович Багратион, младший брат знаменитого полководца. В 2014 году в московском собрании Андрея Руденцова мне удалось определить его миниатюрный портрет начала 1810 года. Ещё одну миниатюру 1804–1805 годов

На эрмитажном портрете допущена ошибка

определил Виктор Михайлович Файбисович. На обоих портретах внешность князя с крупным острым носом очень напоминает то, что мы видим на рисунке Кипренского. В Военной галерее Зимнего дворца также имеется портрет Багратиона 1822–1824 годов. Правда, на нём допущена ошибка — вместо креста ордена Святого Владимира 3-й степени на шее показан Владимирский крест 4-го класса на груди. Но о таких неточностях мастерской Джорджа Доу при выполнении массового заказа на 329 портретов хорошо известно. Раккурс головы князя почти анфас не позволяет оценить профиль носа. Зато ясно, что Багратион носил усы с пышными бакенбардами — такие же, как мы видим на рисунке Кипренского.

Багратион приехал в Петербург из Гамбурга между 14 и 17 февраля 1815 года, 21 февраля представился Александру I, а 19 декабря снова упомянут среди царских гостей. В это время князь находился в ореоле славы своего знаменитого старшего брата Петра Ивановича, погибшего от тяжёлой раны, полученной на Бородинском

поле. Он пользовался вниманием столичного общества, в связи с чем вполне мог вызвать интерес Кипренского и его графический экспромт.

Но у этой версии есть помимо медали ещё один наградной нюанс. Багратион носил на шее прусский орден Pour le mérite, который имел раздвоенные лучи. Как он выглядел, выступая из-под борта мундира, хорошо видно на портрете в Военной галерее. На рисунке же лучи креста прямые, очерченные одним росчерком. Тем не менее допустить предположить, что при быстроте рисунка Кипренский лишь наметил орден по борту мундира без геометрической точности.

Впрочем, Александр Подмазо из-за прямых лучей иностранного креста отдаёт предпочтение кандидатуре генерал-майора графа Ивана Осиповича де Витта, который наряду с орденом Pour le mérite имел ещё прусский орден Красного орла 2-й степени. В 1816 году он довольно долго жил в Петербурге и мог

позировать Кипренскому. Что касается иконографии де Витта, то вся она более поздняя. На этих портретах у графа нет столь острого носа, как в случае с Багратионом, хотя сам по себе нос прямой и крупный. Нет у де Витта и пышных усов, переходящих в бакенбарды. Но нельзя исключать, что в 1816 году он их носил. В общем, эта версия, как и версия о Степане Репнинском, тоже имеет право на существование.

При всех этих оговорках предположение, что на рисунке Кипренский запечатлел генерал-майора князя Романа Ивановича Багратиона в Петербурге в 1815–1816 годах, имеет больше оснований, чем традиционное определение портрета как изображения Ефима Игнатьевича Чаплица с совершенно неясной и ничем не подтверждённой датировкой. Может быть, кто-то из читателей сможет поставить точку в этом поиске и разгадать загадку Кипренского? ▼

Автор — руководитель
Департамента культуры города
Москвы, кандидат исторических наук

Генерал-лейтенант граф Иван Осипович де Витт. Рисунок Карла Рейхеля, 1819 год. Атрибуция А. В. Кибовского. Собрание Сергея и Татьяны Подстаницких

Генерал-майор Степан Яковлевич Репнинский. Мастерская Джорджа Доу, февраль 1827 — 1832 годы. Военная галерея Зимнего дворца